

УДК 111.5:930.1

ТАБАЧКОВ Александр Сергеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии исторического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. Автор 48 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий и одного учебно-методического пособия

ОБЪЕКТ И ДИСКУРС В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье обсуждаются онтологические и гносеологические аспекты проблематики познания исторического прошлого – такие, как онтологические свойства объекта в историческом познании, структура дискурса исторической интерпретации, динамика развития знания о прошлом. Анализ этих проблем осуществляется исходя из процессуальной модели репрезентации социокультурного бытия.

Ключевые слова: интерпретация прошлого, онтология, гносеология, дискурс знания о прошлом.

В социально-гуманитарном познании вообще и в историческом познании в частности не только объект диктует конгруэнтные себе способы познания, но и, наоборот, доминирующий способ познания напрямую участвует в формировании своего объекта. И хотя в начале генезиса и институализации той или иной практики познания характер объекта первичен при выборе способа его познания, на более поздних этапах способы и методы становятся полноправными участниками процесса формирования дискурса знания. Как было замечено уже достаточно давно, именно «историк организывает исторические сущности. Данные прошлого есть беспорядочная масса, которой через эмпатию придает форму историк» [1, с. 189]. Поэтому прошлое, о котором идет речь

в данной статье, это прошлое, выступающее в качестве объекта преимущественно интерпретативных способов исторического познания.

* * *

Имеются, конечно, свои преимущества у введенного в оборот Р. Коллингвудом тезиса о принципиальном несуществовании прошлого как объекта корреспонденции знания. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что не будучи автономно актуализирующимся феноменом, прошлое не подлежит непосредственному предъявлению в качестве эталона верификационных процедур. Но прошлое как реализовавшееся, сумевшее достичь актуальности сущее «есть» даже в большей степени, чем сущее наличного момента современности, еще становящееся сущее настоящего-будущего, ведь исти-

на не окончившего своего становления сущего всегда скорее надежда, чем истина. И пусть прошлое тоже не является в онтогносеологическом плане окончательно установившейся и установленной данностью, но оно все-таки наделено гораздо большей определенностью – как ставшее, т. е. уже совершенное и событийно завершившееся – пусть и только по отношению к синхронной ему ситуации мира актуальной внутривременности. Сущее прошлого – это уже состоявшееся сущее, состоявшееся по отношению к своей собственной судьбе, к внутреннему моменту своего развития. Разумеется, по отношению к судьбам культурно-исторических локусов и тем более по отношению ко всемирной истории ни о какой окончательной завершенности события не может быть и речи. Гипотетический «конец пути» события в мире предполагал бы, в онтологическом плане, полную утрату каузальности любого рода, причем установление самого этого факта остановки развития события в истории потребовал бы анализа и в ретроспективе тоже – нельзя ведь исключить, что когда-то имела места некая интеракция, породившая другие, возможно, все еще длящиеся, развивающиеся событийные ряды. В гносеологическом плане мы должны бы были достигнуть абсолютного и неподлежащего дальнейшей интерпретации смысла исторического события.

Но и тезис «прошлое определяет будущее», несмотря на его кажущуюся очевидность, все же столь неполон, что, скорее, неверен – ведь это именно становящееся будущее активно вовлекает прошлое в процесс конституирования события. Прошлое потому и прошлое, что не обладает автономией актуализации. От генетически ей прямо эквивалентных элементов ситуации настоящего-будущего прошлое (и отдельные его событийно и дискурсивно оформившиеся составляющие) отлично тем, что мы в большей степени вольны пускать или не пускать его в горизонт актуального бытия; онтически мы вправе выбирать, чему нам следует наследовать, а чему – нет. В рамках рационалистической модели репрезентации бытия выбор

памяти – это «онтологическая селективность разума» [2, с. 25], решающего, какому событийному ряду длиться, а какому быть, по крайней мере на время, прерванным, какому событию породить новую динамику смыслов, актуализирующихся в событиях настоящего-будущего, а какому пока оставаться на запасных путях архива. Настоящее-будущее обладает ретроактивностью, уравнивающей в динамике мирового процесса пассивную «естественную» способность прошлого к перспективной трансляции своего влияния.

Однако, говоря о процессуальном характере онтологической схемы, используемой нами в этой статье, стоит все-таки иметь в виду ее преимущественно методологическую функцию – она введена в данный анализ для организации репрезентируемого материала, и за ней на самом деле не прячется метафизический тезис «Бытие есть процесс». Процесс как таковой, применительно к истории, это вообще скорее дискурсивная, чем онтологическая форма. К тому же, бытие культуры и его познание – изменчивые, эволюционирующие феномены, культурное бытие помимо прочего чувствительно к формам его репрезентации в знании – вспомним, например, марксизм и порожденную им реальность. Такой их явно не парменидовский характер несколько девальвирует, на наш взгляд, ценность спора о возможных дефинициях.

Не стоит также думать, что подобной онтологической концепции соответствует обязательно некая релятивистская гносеология, поскольку релятивизма – в смысле подрывающей бытийный статус прошлого относительности – в таком креативном отношении к прошедшему на самом деле нет и не может быть вовсе. Подлинное историческое прошлое это, выражаясь метафорически, отнюдь не требующий бережного сохранения след, прочерченный действием культурного бытия на некой (на самом деле невозможной) внешней ему «поверхности» мира. Это вообще не след как нечто ставшее чуждым и оставленное по мере пути в сегодня – это неотъемлемая часть пространства суще-

ствования самого данного бытия; существование любой логоцентрической культуры не одновременно, оно ретроспективно и перспективно одновременно. Культурное бытие принципиально транссинхронично. Поэтому интерпретация события прошлого – это акт продолжения существования данного события и одновременно очередной этап его движения сквозь темпоральные горизонты бытия. По ходу этого движения оно привносит свой смысл, делится своим значением с процессами современности и в то же время, вовлекаясь в эти процессы, неизбежно меняется само, ведь любое «вчера» мы познаем в нашем «сегодня». Но эти изменения суть не навсегда замещающая исходную форму модификация, но сохраняющая мультипликация смыслов прошедшего.

Как дискурсивная структура, смысловая ипостась исторического события состоит из двух соединенных концепт-контекстуальными связями областей – матрицы ядер-концептов и общего этой нуклеарной структуре контекстуального поля.

При этом структура дискурса прошлого имеет аспект-зависимый характер – концептуальные и контекстуальные составляющие окончательно определяются как таковые лишь в моментах динамики его экспозиции. Только актуализированный обращением к нему дискурс имеет определенную концепт-контекстуальную структуру. В гипотетической внесубъектной форме (к примеру, в условиях некоего «третьего мира» К. Поппера [4, р. 156]) дискурс прошлого может быть представлен как структура комплементарных, но неопределенных – по отношению к их концепт-контекстуальному статусу – элементов.

Благодаря такой структуре участвующий в процессах смыслообразования дискурс интерпретации не теряет своей идентичности, которая обеспечивается тотальностью самозамкнутых референциальных связей внутри его центрального, нуклеарного региона, в ответ на вмешательство каждый раз осуществляющего реконституирование интегрального смысла дискурса события. Импульс автореференции,

циркуляция которого в матрице нуклеарных концептов запускается при каждом обращении к дискурсу, всякий раз исключает чужеродные смысловые элементы. Правда, другая область конституции дискурса – его контекстуальное поле достаточно толерантна к иному и поэтому может даже накапливать изменения – вплоть до момента вызванной ситуационной актуализацией накопившегося метаморфозы концептуальной составляющей дискурса.

Там, в этой контекстуальной области, на самой периферии внимания незаметно формируются смыслы отличного; аккумулируемое там иное, попав однажды в нужную точку амплитуды колебания аспектов восприятия дискурса, оказывается вдруг чем-то необычайно важным. Некие ранее абсолютно вторичные элементы вдруг оказываются способными к генерации альтернативного общего смысла дискурса. И тогда коллапс этого дискурса как элемента достоверного исторического знания становится неизбежным: дело в том, что именно контекст обеспечивает инкорпорируемому им комплексу концептов, а с ними и дискурсу в целом, это качество – быть достоверным. Помимо внешнего «эффекта реальности», создаваемого деталями контекста, контекст обеспечивает непосредственное референциальное пространство существования своего концептуального ядра – как условия его сопряжения с другим знанием и с актуальной культурой вообще. Лишившись его поддержки концепты сами становятся историей.

Потеряв качество достоверности, дискурс с прозрачной или, по крайней мере, кажущейся таковой поверхностью актуального знания стремительно опускается в глубину исторической объектности, он сам становится артефактом, деталью уже ушедшей эпохи своей актуальности. Но дискурс, его концептуальное ядро и «оставшийся ему верным», сохранивший ему смысловую адекватность контекст не исчезают окончательно, каждый дискурсивный образ прошлого, каждая его интерпретация являются интегральным смысловым целым. Поэтому глубокая модификация такого структуриро-

ванного целого невозможна – она неизбежно порождает новый дискурс, не отменяя факта существования и не разрушая автореференциальной смысловой идентичности прежнего. При этом инвазивные смысловые элементы, чье присутствие привело к появлению нового дискурса, в нем и остаются, выполняя в составе этой новой структуры контекстуальные или концептуальные функции. Однако часть таких элементов может вообще не попасть ни в актуальное, ни в с его помощью ставшее историческим (т. е. принадлежащим уже истории) знание.

Умножение дискурсивных сущностей – вот господствующий пока в мире исторического знания принцип, постоянно образующийся избыток этих сущностей поглощает сама история.

Перманентные кризисы достоверности раз за разом превращают элементы до этого момента актуального исторического знания в предметы-артефакты, уже объектные по отношению к познанию. Реинтерпретация, деактуализируя и объективируя (низводя на уровень объекта) предшествующую интерпретацию, отодвигает ее тем самым и в прошлое познания. Дневная поверхность исторической рациональности все время круто уходит вниз, поэтому перевернутые пирамиды коммулятивного роста знания – это явно не те структуры, которые когда-либо смогут на ней возникнуть.

Какой бы исторический метод не был задействован, объект, предстоящий историку как познающему субъекту, все равно будет отличен от любого другого объекта – здесь он, во-первых, все время естественным образом растет – в количественном и качественном смыслах, и даже если проект историка связан с изучением событий достаточно отдаленного прошлого, то все равно, естественным образом растущее количество следствий этих событий будет осложнять эпистемологическую ситуацию. Могли, например, историк-религиовед, писавший свою работу, скажем, лет двадцать назад, представить, что мы, похоже, вскоре увидим некий ренессанс язычества?

Во-вторых, непрерывно множатся еще и интерпретации и реинтерпретации уже произошедшего, и в условиях такого двойного роста историк вынужден реализовывать свой проект не как некую почтенную научную рутину, но по типу, скорее, артистического акта. Только так он может добиться необходимого первоначального внимания к своей работе, которая в противном случае просто потонет во все увеличивающемся потоке других подобных текстов. Будучи агентом культуры, историк – не только и даже не столько систематизатор и исследователь фактического, но в первую очередь артист-интерпретатор. И его доблесть вовсе не в том, чтобы не быть этим артистом или быть им в наименьшей возможной степени, на самом деле его доблесть в том, чтобы быть при этом одновременно еще и ученым, причем ученым, способным к созданию смелой и состоятельной гипотезы, без которой любой литературный артистизм будет бессмысленным. Он, и в этом почти непомерность его задачи, должен быть не только человеком литературы, но и человеком научной рациональности.

Гносеологическая ипостась исторического прошлого конституируется совокупностью всех доступных для дискурсивной актуализации смыслов событий, произошедших на предшествовавших этапах бытия мира культуры. Поэтому даже онтически прошлое являет собой не только то, что уже прошло, некое сущее, данное в случайности своей ситуативной событийной конфигурации, которая никогда уже не повторится вновь. Событийно организованное сущее исторического прошлого – это даже не то, что было однажды сохранено в дискурсе, некое достигшее нас усилиями историка послание с описью смыслов случившегося, которое может быть нами однажды прочитано и затем навсегда забыто. Прошлое способно к перспективной, иницируемой актуальной событийностью трансляции, и поэтому оно всегда движется вместе с горизонтом сменяющихся и переходящих друг в друга моментов настоящего-будущего. Собственный горизонт пребыва-

ния прошлого всегда онтологически синхронен горизонту актуальности мира.

Такие онтогносеологические особенности объектов исторического прошлого не могут, на наш взгляд, и далее не учитываться теорией истории. Эпистемология и методология исторического исследования должны строиться с учетом простого, но важного принципа – репрезентативное предъявление не может заменить собой теоретического объяснения. Автор и реципиент исторического дискурса не должны быть связаны ненормальным коммуникативом подмены ожидаемого экспликативного анализа предложением эмпатического инкурса в пусть даже и искусно воссозданный фрагмент мира прошлого. Воспроизведенные и анимированные позитивности интерпретативных дискурсов это, на самом деле, некая постмодернистская инверсия идеала верифицируемого знания: описание точно соответствует описываемому потому, что связано с ним отношением взаимопорождения. Двухнаправленная генетическая связь превращает такой исторический дискурс в симулякр, зеркальная пульсация автореференций которого делает любую неадекватную этой новой специфике попытку теоретического вмешательства пародией на

саму себя. Таким образом, интерпретативное анимирование не противостоит, как это принято полагать, якобы позитивистскому в своей сути теоретическому методу, но само отчасти является переродившимся под влиянием постмодернистской критики наследием гегемонии позитивистского мышления.

* * *

Наличное, т. е. готовое выступить в качестве действительных ретрореференций современных процессов культуры, историческое прошлое являет себя как динамический комплекс конкурентно и комплементарно взаимодействующих интерпретативных дискурсов. При этом знание о прошлом никогда не равно самому прошлому, оно не может и, более того, не должно быть ему равно – не воспроизведение, но выявление актуальных смыслов случившегося является задачей исторического познания. Любой достигаемый литературным мастерством историка эффект присутствия в реальности прошлого возможен как истинный лишь при условии одновременного предоставления теоретической экспликации исследуемого события, без этого любое анимирование прошлого является симуляцией [2, с. 33].

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003. 496 с.
2. Старжинский В. П., Табачков А.С. История и теория: на пути преодоления непредсказуемости прошлого // *Вопр. философии*. 2010. № 1. С. 33–42.
3. Табачков А.С. Интерпретация как способ познания исторического прошлого. Минск, 2007. 94 с.
4. Popper K.R. *Objective Knowledge. An Evolutionary Approach*. Oxford, 1972. 380 p.

References

1. Ankersmit F.R. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafor* [History and Tropology. The Rise and Fall of Metaphor]. Moscow, 2003. 496 p.
2. Starzhinskiy V.P., Tabachkov A.S. *Istoriya i teoriya: na puti preodoleniya nepredskazuemosti proshlogo* [History and Theory: on the Way to Overcoming the Unpredictable Past]. *Voprosy filosofii*, 2010, no. 1, pp. 33–42.
3. Tabachkov A.S. *Interpretatsiya kak sposob poznaniya istoricheskogo proshlogo* [Interpretation as a Way of Understanding the Historical Past]. Minsk, 2007. 94 p.
4. Popper K.R. *Objective Knowledge. An Evolutionary Approach*. Oxford, 1972. 380 p.

Tabachkov Aleksandr Sergeevich

Department of Philosophy,
Vitebsk State University named after P.M. Masherov (Vitebsk, Belarus)

OBJECT AND DISCOURSE IN HISTORICAL COGNITION: ONTOLOGICAL AND GNOSEOLOGICAL ASPECTS

The article dwells on ontological and gnoseological aspects of the knowledge of historical past, such as ontological properties of an object in historical cognition, discourse structure of historical interpretation, development dynamics of knowledge of the past. These issues are analyzed on the basis of the process model of representation of the sociocultural existence.

Keywords: *interpretation of the past, ontology, gnoseology, discourse of knowledge of the past.*

Контактная информация:

адрес: 210038, Республика Беларусь, г. Витебск, просп. Московский, д. 33;
e-mail: tabachkov@list.ru

Рецензент – *Дрегалю А.А.*, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления института экономики и управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова